

кова, Г. Р. Державина, И. С. Тургенева, А. И. Тургенева, В. А. Жуковского, А. Х. Востокова, А. П. Беницкого, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и др.

Литература

1. Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 312 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
3. Веселовский Ю. А. Драматические наброски и планы Шиллера // Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей: в 4 т. Т. 3. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 222-223.
4. Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1972. С. 3-95.
5. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: АХЮМА, 1996. 232 с.
6. Ланштейн П. Жизнь Шиллера. М.: Радуга, 1984. 404 с.
7. Либинзон З. Е. Лекции по зарубежной литературе XVIII века: Немецкая литература XVIII века. Горький: Изд-во Горьков. гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1955. 122 с.
8. Чуковский К. И. Памяти Шиллера // Театральная Россия. СПб., 1905. № 18.

УДК 82

*Д. Н. Черниговский (Киров, Россия)
Вятский государственный университет*

Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в русском зарубежье

В статье рассматривается происходившая в русском зарубежье в 1920-е – 1930-е годы полемика по поводу проблемы автобиографичности творчества А. С. Пушкина – одной из наиболее важных в пушкиноведении методологических проблем.

Ключевые слова: история пушкиноведения, автобиографизм в литературе, А. Л. Бем, П. М. Бицилли, М. Л. Гофман, С. Л. Франк, В. Ф. Ходасевич

В 1920-30-е гг. проблема автобиографичности пушкинского творчества находилась в центре внимания советских пушкинистов [23]. Большой интерес вызвала эта проблема и у пушкинистов в эмиграции. В частности, она стала предметом ожесточенных споров между В. Ф. Ходасевичем и М. Л. Гофманом. Poleмика разгорелась между ними после того, как в 1924 г. в Ленинграде и Па-

риже была опубликована статья Ходасевича о пушкинской «Русалке» [18], [21], которую резко раскритиковал Гофман. В феврале 1925 г., уже после выхода в свет третьего номера советского журнала «Русский современник» за 1924 г., сообщавшего об обнаружении документов, опровергающих гипотезу Ходасевича, Гофман без ссылки на эту находку назвал в своей публикации в берлинской газете «Рухль» статью о «Русалке» «фантастическими домыслами» [9]. Теперь трудно определить, было ли это со стороны Гофмана проявлением блестящей пушкиноведческой интуиции, или ученый только имитировал факт интуитивного предвидения, на самом деле зная о найденных в СССР документах. Во всяком случае аргументация Ходасевича в указанной заметке была объявлена Гофманом не заслуживающей доверия, ибо строилась на идее абсолютной пушкинской автобиографичности. Неприятие этой идеи было характерно для Гофмана и до его отъезда из Советской России: еще в 1922 г. он писал, что недопустимо «видеть в каждом поэтическом факте факт биографический, в каждом стихе автобиографическое признание, понимаемое буквально...» [6, с. 11].

В книге «Пушкин. Психология творчества» (1928) Гофман вновь выступил против тезиса об «автобиографичности или автографичности творчества» [5, с. 8] великого поэта. В частности, исследователь заявил о своем несогласии с анализом произведений Пушкина «с точки зрения того, как в них отразилась» его жизнь, «ибо это значило бы неизмеримо большее – поэта – заменять меньшим – человеком» [5, с. 8].

Это была критика методологии Ходасевича, писавшего в статье «О чтении Пушкина» (1924), что «конкретные события, отражаясь в большей или меньшей степени, играя то первенствующую, то второстепенную роль, преломляясь под разными углами, так или иначе вписаны в большинство... творений» [17, с. 383] поэта. Именно эта идея «преломления под разными углами» реальных впечатлений в творчестве Пушкина легла в основу статьи Ходасевича о «Русалке», опубликованной в той же самой XX книжке журнала «Современные записки» за 1924 г., что и статья «О чтении Пушкина».

В своем недоверии к пушкинской автобиографичности Гофман нашел союзника в лице В. В. Вересаева, который писал о характерном для Пушкина «несоответствии между его жизненными переживаниями и отражениями их в его поэзии» [4, с. 268]. Не ссылаясь, правда, на Вересаева, Гофман повторил в книге о психологии пушкинского творчества его мысль: «Пушкин не только не мог писать непосредственно вслед за полученным впечатлением, но и видел в таком мгновенном, непосредственном творчестве какое-то чудо, загадку» [5, с. 18]. То, что Гофман, используя выводы Вересаева, не сослался на его приоритет в данной области, на наш взгляд, не является плагиатом. Отсутствие в процитированном пассаже иллюстративного материала, который должен был бы подтвердить истинность заявленных тезисов, говорит о том, что указанная

Вересаевым в 1923 г. особенность психологии пушкинского творчества спустя пять лет казалась Гофману общеизвестной.

Надо отметить, что, отрицая пушкинскую абсолютную автобиографичность, исследователь вовсе не отказывал великому поэту в недостатке искренности. Наоборот, Гофман писал, что «Пушкин и в жизни и в творчестве искренен до конца», «что в основе всех произведений Пушкина его жизнь и впечатления этой жизни» [5, с. 8]. Но, по мысли ученого, Пушкин, «всегда исходя от жизни, от впечатлений жизни», «всегда уходит от жизни в обитель дальнюю трудов и чистых нег, где царствует возвышающий обман Вымысла» [5, с. 8]. Сформулировав это положение, исследователь вновь оказался единомышленником Вересаева, который год спустя после выхода книги Гофмана писал, в сущности, о том же: «Пушкин не умел жить среди живой жизни и любить ее, он от нее спасался в мир светлых привидений» [4, с. 295].

В целом позиция Гофмана по вопросу о пушкинской автобиографичности представляется продуманной и ясной. Он считал теорию Ходасевича о «преломлении» реальной жизни Пушкина «под разными углами» в его поэзии принципиально неверной, поскольку был убежден, что впечатления жизни «претворяются» в «искреннем до конца» пушкинском творчестве, утрачивая под воздействием художественной фантазии («Вымысла») непосредственную связь с породившей их реальностью.

В статье «“Утаенная любовь” Пушкина» (1928) Гофман вновь обратился к проблеме пушкинского автобиографизма, заявив в прежнем ключе, что творчество великого поэта «постоянно питалось жизнью, но никогда не фотографировало жизнь, и что факты поэтического видения не совпадали в его творчестве с фактами реальной жизни» [8, с. 4–5].

Ответом Ходасевича на выпады в адрес его исследования об автобиографичности «Русалки» явилась программная статья «В спорах о Пушкине» (1928). В начале ее Ходасевич изложил основные принципы своей теории «преломления» жизни Пушкина в его творчестве «под различными углами, в зависимости от художественного задания, от рода произведения, от необходимости стилистически согласовать правду с вымыслом» [15, с. 134]. Исследователь привел и характерные примеры применения своей теории к анализу пушкинского творчества в биографическом аспекте. В частности, он указал, что в эпиграмме «Я ускользнул от эскулапа» «угол преломления равен нулю, потому что так все и было» [15, с. 134]. В поэме «Кавказский пленник» Ходасевич усматривает пример «большого преломления и “расширения угла”»: приписав Кавказскому пленнику ряд своих собственных тогдашних мыслей и чувств, Пушкин заставляет своего героя пережить события, которых сам не переживал, но которые именно с этими мыслями и чувствами связаны» [15, с. 135]. «И прав будет биограф, – заключает Ходасевич, – который, говоря о настроениях Пушкина (не

о событиях его жизни) во вторую половину 1820 года, отчасти воспользуется «Кавказским пленником»» [15, с. 135].

Далее Ходасевич подводит итог своим рассуждениям о теории «преломления»: «Приведенные примеры... именно потому и вводят нас внутрь творческого процесса, что мы можем сопоставить реальный и уже установленный биографический момент с его преломлением в пушкинской поэзии. Именно то, как, почему, под каким углом совершается преломление, – это и есть одно из самых волнующих наблюдений, нам доступных» [15, с. 135].

Как видим, в 1928 г. Ходасевич трактовал теорию «преломления» иначе, чем в 1924 г., когда была написана работа о «Русалке». Тогда он попытался использовать эту теорию не столько для того, чтобы проникнуть в творческий процесс поэта, сколько для того, чтобы при помощи художественного текста реконструировать реальную биографию Пушкина. Только опубликование опровергающих его гипотезу документов убедило Ходасевича в том, что нельзя, не имея подтверждающих внелитературных сведений, использовать поэтический текст в качестве биографического источника. Нельзя именно потому, что без документально зафиксированных биографических фактов невозможно определить угол «преломления» жизненных впечатлений в художественном произведении и вычитать из этого произведения ход реальных событий.

Однако можно понять, почему Ходасевич ощущал свою внутреннюю правоту, рассуждая о «Русалке» как об автобиографическом произведении. Уверенность Ходасевича в своей правоте была основана, как пишет И. З. Сурат, на «убежденности в том, что пушкинское слово о мире искуплено трудным опытом интенсивной внутренней жизни, которую можно и нужно изучать, чтобы прийти к пониманию текста» [12, с. 34]. Эта «убежденность» и заставляла Ходасевича вслед за Гершензоном говорить о глубоком автобиографизме пушкинского творчества. Важно отметить, что в статье «Споры о Пушкине» он подходит к истолкованию этого явления как отражения именно духовной, а не внешней биографии писателя в его творчестве. «Новые данные, опубликованные Щеголевым, – писал Ходасевич, – со временем заставят меня глубоко и во многом переработать мою статью. Но ее основной пункт: о “Русалке”, как о драме, внушенной крепостным романом и хранящей внешние следы этого романа, – остается в силе. Действительные события были не совсем те, как я предполагал, и “углы преломления” в драме – не совсем те. Что ж из этого? Рушится ли мое построение?» [15, с. 143].

Уверенность Ходасевичу в правильности его позиции придавала и поддержка наиболее уважаемых им пушкинистов.

Еще в 1924 г. исследование о «Русалке» сочувственно встретил М. О. Гершензон, который писал Ходасевичу: «В истолковании фактов вы не правы, а общая ваша догадка правдоподобна: необязательно, что та девушка

именно утопилась: она могла и вовсе не покончить с собой, и все же Пушкин мог с нее писать “Русалку”» [15, с. 143].

В 1926 г. Ходасевича поддержал П. М. Бицилли, позиция которого по поводу пушкинского автобиографизма была весьма любопытной. С одной стороны, Бицилли выступает против идеи Гершензона о глубокой автобиографичности Пушкина, видя в ней декларацию абсолютного автобиографизма: «В каждой строке, в каждом слове Пушкина он наивно искал автобиографических признаний» [3, с. 488]. С другой стороны, Бицилли вскоре после опубликования статьи Ходасевича о «Русалке» заявил о том, что «глубоко верна» мысль исследователя «о связи между настроениями и поэтическими образами у Пушкина» [2, с. 467–473]. Таким образом, Бицилли как бы подталкивал Ходасевича к тому, чтобы сообщить термину «глубокий автобиографизм» ту однозначную трактовку, согласно которой он должен был пониматься как отражение в творчестве только духовной биографии художника.

В 1937 г. Ходасевича поддержал и А. Л. Бем: «Несмотря на новые биографические факты... все же в основе “Русалки” могло лежать “чувство вины”, как в основе “Скупого рыцаря” лежал “отцовский комплекс”, что так убедительно показал В. Ходасевич в очерке “Ссора с отцом”» [1, с. 302].

Как видим, названные пушкинисты, поддержав Ходасевича, ориентировали его на вполне однозначное истолкование гершензоновского термина «глубокая автобиографичность» – исключительно в аспекте реконструкции духовной биографии Пушкина. И казалось, что в конце 1920-х гг. Ходасевич окончательно усвоил именно это толкование ключевого для всей его пушкинистики термина.

Так, в 1930 г. в рецензии на сборник статей «В двух планах» своего постоянного, как и Гофман, научного оппонента В. В. Вересаева Ходасевич вновь нашел нужным коснуться проблемы пушкинской автобиографичности в ее теоретическом аспекте: «Признаюсь, пишучи некогда о глубокой автобиографичности Пушкина, я всего менее ожидал вызвать целую пушкинистскую бурю, не утихающую уже шесть лет. Мне даже казалось, что я высказываю нечто общеизвестное. Разумеется, я нигде не утверждал, будто каждое слово Пушкина автобиографично в прямом и буквальном смысле. Я лишь указывал на тот вполне очевидный факт, что пушкинское творчество насыщено воспоминаниями. Разумеется, опять-таки, что я имел в виду известную художественную преломленность этих воспоминаний. Психология таких преломлений меня и интересовала, и я пытался наметить ее на нескольких примерах. Вересаев (и некоторые другие) заключили отсюда, будто мною провозглашен какой-то “догмат об абсолютной автобиографичности Пушкина”. Таких нелепостей я не писал, и подзревать меня в столь “наивном биографизме” чрезвычайно наивно» [16, с. 229–230].

Между тем последующие статьи 1930-х гг. показали, что Ходасевич все еще находился в плену первоначального, вульгарного истолкования термина «глубокий автобиографизм». Например, в рецензии на книгу М. Л. Гофмана «Пушкин – Дон-Жуан» (Париж, 1935) Ходасевич вновь подтвердил приверженность своему старому тезису о том, что «Пушкин автобиографичен насквозь» [20, с. 12]. Причем, с точки зрения Ходасевича, «исключительная автобиографичность» свойственна не только лирическим, но даже эпическим и драматическим» [20, с. 11] произведениям Пушкина. «Следы автобиографии, – замечает исследователь, – обнаруживаются даже в таких вещах, как “Скупой рыцарь”, “Каменный гость”, “Борис Годунов”, “Арап Петра Великого”» [20, с. 11]. Однако в указанной рецензии Ходасевич ведет речь не о духовной, а о событийной биографии Пушкина, рассматривая все творчество великого поэта как единый биографический текст, богатейший материал для его жизнеописания. Эта же мысль содержится и в опубликованной два года спустя статье «Прадед и правнук» [19, с. 216].

Тем не менее сказанное не означает, что Ходасевич в итоге своих исканий оказался апологетом наивного биографизма. Публикуя в 1937 г. переработанный вариант книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» (под названием «О Пушкине»), он не стал перепечатывать статью о «Русалке». Это нежелание Ходасевича повторно публиковать свое наиболее важное в методологическом отношении исследование можно истолковать как мучительную раздвоенность пушкиниста так и не решившегося ни отвергнуть любимую идею, ни, рискуя репутацией специалиста, отстаивать ее во что бы то ни стало.

И. З. Сурат справедливо указывает, что Ходасевич «будучи глубоко правым, по сути, в отношении пушкинской правдивости, при этом упрощал-таки характер связей между реальными обстоятельствами биографии поэта и художественными мотивами его произведений» [11, с. 54]. Это, по мнению исследовательницы, проявляется в том, что, говоря о «соответствии художественных тем и жизненных фактов», Ходасевич «часто опускает то главное, что лежит между биографией и текстом – внутренний мир художника, в котором перегорает жизненный опыт и рождаются из него художественные образы. Именно проникновению в этот мир, в это затекстовое пространство могли бы служить те зацепки, которые находит Ходасевич в тексте, но он сосредоточивается на самих таких находках, порой убедительных и красноречивых, и дальше не идет, ограничивает этим исследование. Когда же он пытается по тексту домыслить реальные судьбы реальных героев жизненной драмы, то совершает ошибки, неизбежные при столь прямолинейном понимании так называемого пушкинского автобиографизма» [11, с. 55].

Надо отметить, однако, что указанная раздвоенность в истолковании пушкинского автобиографизма не помешала Ходасевичу одержать верх над Гофманом в проходившей между ними длительной дискуссии. Уже в 1928 г.

Гофман, бывший противник изучения творчества Пушкина через призму его биографии, написал статью «“Утаенная любовь” Пушкина». Непоследовательность Гофмана была поразительной, так как в вышедшей в том же году (чуть раньше) книге «Пушкин. Психология творчества» он утверждал: «Нам совершенно безразлично имя той женщины, которая вызвала к себе в Пушкине его большую “утаенную любовь”... Не она, а любовь к ней... отразилась в творчестве Пушкина, и потому имя ее нам не нужно... Нам нужно знать об этой “утаенной” южной любви, но и только... Знание ее ничего не прибавляет и ничего не объясняет» [5, с. 25].

В 1931 г. Гофман, постоянно критиковавший представителей биографизма в пушкиноведении, выпускает в свет биографию Пушкина на французском языке (Hofmann M. Pouchkine. Paris, 1931). Четыре года спустя он издает книгу «Пушкин – Дон-Жуан», посвященную анализу так называемого «Дон-Жуанского списка Пушкина» и выяснению имени «утаенной любви» поэта.

В рецензии на эту книгу Ходасевич так объяснил метаморфозу во взглядах Гофмана: «Произошло это от того, что он не только методолог, но и пушкинист-практик: практика пушкинизма автоматически умеряет его методологический ригоризм. Оно и не может быть иначе: от автобиографического элемента в пушкинских стихах пушкинисту некуда спрятаться» [20, с. 12]. Однако победа, одержанная в Ходасевичем в полемике с Гофманом, не внесла ясности в вопрос о пушкинском автобиографизме.

Ситуация противостояния была разрешена вмешавшимся в давний научный спор религиозным философом С. Л. Франком, который начиная с 1930-х гг. углубленно занимался «познанием духовного мира Пушкина, во всей широте, сложности и проблематике этого предмета» [14, с. 426]. В том числе Франк заинтересовала и проблема автобиографичности пушкинского творчества: она была им вскользь затронута в статье «Религиозность Пушкина» (1933) и рассмотрена более основательно в статье «О задачах познания Пушкина» (1937). Франк проанализировал споры о пушкинской автобиографичности и выделил «два крайних взгляда» [14, с. 432] на эту проблему. По Франку, «оба мнения» (то есть мнение Гершензона и Ходасевича – сторонников тезиса об автобиографичности великого поэта – и мнение их противников Брюсова и Вересаева. – Д. Ч.) «представляются явно несостоятельными; однако первое из них, при всех его очевидных преувеличениях и крайностях, все же несомненно ближе к истине, чем последнее, – ближе к целостному восприятию духовной личности Пушкина» [14, с. 433]. Здесь надо иметь в виду, что Гершензон и Ходасевич представлялись Франку апологетами биографического метода в его наиболее прямолинейном варианте. Стараясь утвердить в пушкиноведении понятие глубокой автобиографичности, ограниченной только сферой духовной биографии поэта, Франк писал: «При всем различии между эмпирической жизнью поэта и его поэтическим творчеством, духовная личность его остается все же еди-

ной, и его творения так же рождаются из глубины этой личности, как и его личная жизнь и его воззрения, как человека. В основе художественного творчества лежит, правда, не личный эмпирический опыт творца, но все же всегда его духовный опыт. В этом более глубоком и широком смысле автобиографизм, в частности, поэзии Пушкина не подлежит ни малейшему сомнению. Можно смело утверждать, что все основные мотивы его лирики выражают то, что было “всерьез”, глубоко и искренно прочувствовано и продумано для себя самого Пушкиным, и что большинство мотивов и идей его поэм, драм и повестей стоит в непосредственной связи с личным духовным миром поэта» [14, с. 433]

Это была наиболее глубокая и верная точка зрения на проблему пушкинской автобиографичности [см. об этом также: 22, с. 60–61]. Нетрудно заметить, что она вовсе не противоречит словам Б. В. Томашевского, ставшим официальной позицией советского пушкиноведения по этой проблеме: «Лирика намечает вехи для биографической гипотезы, придавая ей – правда очень малую в самой себе – вероятность. Дело побочных доказательств определить степень этой вероятности, т. е. обнаружить или явный вымысел или достоверность» [13, с. 50–51]. Более того, на наш взгляд, предложенная Франком концепция пушкинской автобиографичности только углубляет мысль Томашевского, доводит ее до логической завершенности.

К сожалению, данная концепция Франка в силу известных исторических причин своевременно не получила распространения в СССР и, стало быть, не оказала никакого существенного влияния на советскую пушкинистику. Правда, в 1959 г. в СССР к аналогичной идее самостоятельно пришел Н. Л. Степанов, который, старательно отмежевываясь от биографического направления, признал, тем не менее, что поэзия Пушкина «глубоко автобиографична» [10, с. 111]. Эту автобиографичность исследователь понимал следующим образом: «В лирике Пушкин с большой глубиной и правдивостью передает свои переживания, мысли и настроения, характеризующие его духовный мир, воссоздающие его внутренний облик. Поэтому для лирики Пушкина отнюдь не безразлично, к кому обращено то или иное стихотворение, с каким жизненным моментом его биографии оно связано. Точность и конкретность поэтических образов проясняются нашим знанием тех обстоятельств, того адресата, с которыми соотносено то или иное стихотворение. Расшифровка автобиографических намеков помогает лучше понять душевное состояние Пушкина, его мироощущение, отразившееся в данном стихотворении, способствует уяснению поэтической ткани его стихов» [10, с. 95]. Эта идея, однако, еще долгие годы не имела в отечественной науке официального признания, видимо, потому что ошибочно отождествлялась с позицией наивного автобиографизма. Востребована и реализована она была только в самое последнее время. Как пишет И. З. Сурат, «проблема автобиографизма поэзии Пушкина, бывшая предметом бурных дискуссий в 20-е годы <...>, встает с новой остротой сегодня, когда

пушкинистика осознает одной из своих главных задач построение цельной духовной биографии Пушкина...» [11, с. 5]. Такая пушкинская биография, по словам исследовательницы, может быть создана с использованием так называемого «генетического» [11, с. 5] метода, «при котором предметом литературоведческого анализа становятся и все затекстовые порождающие связи между творением и жизнью творца. В этом случае пушкинское слово не только интересует нас само по себе, но и ведет в сокровенный внутренний мир художника, не менее притягательный, чем мир его произведений. И этот подход никак не сводим к наивному биографизму, к стремлению вычитать из текста лишь биографические реалии» [11, с. 5]. Блестящим примером применения генетического метода в современном пушкиноведении являются работы самой И. З. Сурат, а также С. А. Кибальника, В. И. Коровина и некоторых других исследователей.

Литература

1. Бем А. Л. Книга о Пушкине Вл. Ходасевича // Бем А. Л. Письма о литературе. Прага: Slovanský ústav. Euroslavica, 1996. С. 299–303.
2. Бицилли П. М. Завет Пушкина // Современные Записки. 1926. Кн. XXIX. С. 467–473.
3. Бицилли П. М. М. О. Гершензон. Статьи о Пушкине // Современные Записки. Париж, 1926. Кн. XXIX. С. 487–489.
4. Вересаев В. В. В двух планах // Вересаев В. В. Загадочный Пушкин. М.: Республика, 1996. С. 265–295.
5. Гофман М. Психология творчества Пушкина: Вторая глава науки о Пушкине. Париж, 1928.
6. Гофман М. Л. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Петроград, 1922.
7. Гофман М. Л. Пушкин – Дон-Жуан. Париж, 1935.
8. Гофман М. Л. «Утаенная любовь» Пушкина // Руль. 1928. № 2290 (10 июня). С. 4–5.
9. Гофман М. Л. Фантазии о Пушкине // Руль. 1925. № 1271 (7 февр.). С. 3.
10. Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. М., 1972.
11. Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...» // Сурат И. З. Жизнь и лира. О Пушкине: статьи. М., 1995.
12. Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
13. Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения // Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 50–51.
14. Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990. С. 422–452.
15. Ходасевич В. Ф. В спорах о Пушкине // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Т. 2 (Статьи, рецензии, заметки 1925–1934). Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 2001. С. 132–153.

16. Ходасевич В. Ф. В. Вересаев. В двух планах. Статьи о Пушкине // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Т. 2 (Статьи, рецензии, заметки 1925–1934). Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 2001. С. 229–231.
17. Ходасевич В. Ф. О чтении Пушкина // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Т. 1 (Статьи, рецензии, заметки 1913–1924). Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 1999. С. 378–384.
18. Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.
19. Ходасевич, В. Ф. Прадед и правнук // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Т. 2 (Статьи, рецензии, заметки 1925–1934). Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 2001. С. 216–221.
20. Ходасевич В. Ф. «Пушкин – Дон-Жуан» // Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: в 3 т. / под ред. Р. Хьюза. Т. 3 (Статьи, рецензии, заметки 1935–1939). Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 2014. С. 9–15.
21. Ходасевич В. Ф. «Русалка». Предположения и факты // Современные Записки. 1924. Кн. XX. С. 302–354.
22. Хрусталева А. В. Проблема автобиографичности А. С. Пушкина и принцип элиминирования «внешней» биографии в трудах С. Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 4. С. 57–61.
23. Черниговский Д. Н. Из истории пушкиноведения: о полемике по поводу автобиографичности пушкинского творчества в СССР // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: науч.-метод. журнал. 2018. № 1(10). С. 80–86.